

ТРИ СЛОВА О ВОЙНЕ

Роман Всеволодов
Евгений Лукин
Момо Капор

СЛАВЯНСКАЯ КАРТА

АР 18

Славянская карта

Момо Капор

Три слова о войне

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2007,2009,20010

УДК 821.163.41
ББК 84

Капор М.

Три слова о войне / М. Капор — Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2007,2009,20010 — (Славянская карта)

ISBN 978-5-903463-34-3

Сборник повестей и рассказов о трех войнах. Повесть «Немецкая девушка» показывает тихий ужас опустошенных территорий. Состояние войны не только снаружи, но и в душе каждого человека. Маленькие рассказы, из которых состоит произведение, написаны современным языком, позволяющим почувствовать реальный запах войны. Повесть «Танки на Москву» отображает чеченскую кампанию без громких слов и морализаторства. Столкновение со смертью – как проверка человечности... Сборник рассказов выдающегося сербского писателя Мамо Капора – о боевых действиях в Боснии и Герцеговине. Автор, не расставляя акцентов, просто фиксирует события и истории; получается пронзительная картина жизни современного человека в абсурдной нелогичной атмосфере войны. Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 821.163.41

ББК 84

ISBN 978-5-903463-34-3

© Капор М., 2007,2009,20010
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2007,2009,20010

Содержание

От издателя	7
Немецкая девушка	9
Глава первая	9
Глава вторая	10
Глава третья	11
Глава четвертая	12
Глава пятая	13
Глава шестая	14
Глава седьмая	15
Глава восьмая	16
Глава девятая	17
Глава десятая	18
Глава одиннадцатая	19
Глава двенадцатая	20
Глава тринадцатая	21
Глава четырнадцатая	22
Глава пятнадцатая	23
Глава шестнадцатая	24
Глава семнадцатая	25
Глава восемнадцатая	26
Глава девятнадцатая	27
Глава двадцатая	28
Глава двадцать первая	29
Глава двадцать вторая	30
Глава двадцать третья	31
Глава двадцать четвертая	32
Глава двадцать пятая	33
Глава двадцать шестая	34
Глава двадцать седьмая	35
Глава двадцать	36
Глава двадцать девятая	37
Глава тридцатая	38
Глава тридцать первая	39
Глава тридцать	40
Глава тридцать третья	41
Глава тридцать четвертая	42
Глава тридцать пятая	43
Глава тридцать шестая	44
Глава тридцать седьмая	45
Глава тридцать восьмая	46
Глава тридцать девятая	48
Глава сороковая	49
Глава сорок первая	50
Глава сорок вторая	51
Глава сорок третья	52
Глава сорок четвертая	53

Глава сорок пятая	54
Глава сорок шестая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Три слова о войне Сборник повестей и рассказов о трех войнах

Роман Всеволодов. Немецкая девушка

Евгений Лукин. Танки на Москву

Момо Капор. Смерть? Это не больно!

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга

© Роман Всеволодов, 2009

© Евгений Лукин, 2009

© Момо Капор, 2007

© Василий Соколов, перевод, 2010

© ИТД «Скифия», 2010

От издателя

Сборник повестей и рассказов о войне... Казалось бы, этот жанр ушел в прошлое. Эпическое и героическое прошлое, победы дедов в войнах, которые известны по советским фильмам...

Война. Она захватывающе смотрится с телеэкранов, когда ты в уютном кресле, а в телевизоре – супергерои занимаются суперподвигами...

Когда я задумывал этот сборник, мне хотелось подобрать такие произведения, в которых обычный человек, наш современник, «парень с нашего двора», оказывается в ситуации, когда все моральные и нравственные ценности перевернуты, льется настоящая, а не клюквенная кровь, когда люди – хорошие, близкие, важные – умирают «взаправду». Где проверяется истинность человека.

Потому что война – это страшно, потому что война – это смерть, потому что война – это ситуация, когда маски сброшены и каждый показывает свое настоящее лицо.

Авторы книги пишут о войне на современном языке, и вдумчивый читатель, как мне кажется, сможет увидеть, что смерть – это больно, что, по большому счету, главное в человеке – насколько он Человек.

Книга задумана как своеобразная трилогия о трех войнах. От войны к войне: сквозь Вторую мировую войну, сквозь кровавую первую чеченскую кампанию, сквозь братоубийственную югославскую резню проходят люди, неся в себе то светлое и темное, что с особенной резкостью проявляет это страшное время. Три слова о войне, три взгляда на войну, три войны XX века...

Игорь Знаешев

редактор издательства «Скифия»

P.S. Когда готовилась эта книга, стало известно, что 3 марта 2010 года на 73-м году жизни в Военно-Медицинской академии в Белграде умер один из ее авторов, Момо Капор.

На следующий день на белградской площади Республики на большом табло бежали бесконечные строки соболезнований:

«Он был великим писателем и еще более великим человеком. Это большая потеря для всех нас. Пусть земля будет ему пухом».

«Думаю, никто не мог написать для меня лучшей книги...».

«На могу поверить. Целые поколения выросли на его книгах и картинах. Мне неизмеримо жаль».

«Ему удалось то, что редко кому удается – он долго жил, жил хорошо и дышал полной грудью, а потом сумел обеспечить себе место в вечности своими великолепными произведениями».

«Момо Капор воплощал дух времени, которое теперь исчезает, времени, когда книги обладали большим влиянием и много значили, а слово писателя пользовалось уважением и любовью».

«От имени русских читателей Момо Капора выражаю искренние соболезнования его семье. Он оставил след в душе каждого, кто хоть раз держал в руках его книгу».

Соболезнований было много. Ушел из жизни великий человек, великий писатель. Писатель, который очень радовался, что в России его читают, а, главное – понимают. Человек, который написал о себе в автобиографической повести «Хроника потерянного города» так:

Однажды мне понадобилось написать автобиографию. Я написал:

«Моя покойная бабушка Йована, урожденная Петкович, из села Брани Дол над Моском, рано овдовела. У нее было четыре сына.

Старший сын уехал в Америку. Каким-то образом добрался до рудника Гер в Индиане, куда устроился рудокопом.

В 1920 году он погиб на двадцать четвертом году жизни, когда в шахте на его голову рухнула гнилая балка.

В родное село моего отца Мириловичи (почтовое отделение Билеча) прислали американские накопления моего дяди и страховку горнорудной компании.

Прислали и его карманные часы марки «Омега», парадный черный костюм, пять пар воротничков, пару красно-белых туфель с дырочками, гамаши и перламутровые пуговицы для сорочки. Прислали еще и фотографию моего дяди: высокий лоб, светлые подбритые усики, невыразимая тоска во взгляде, пиджак с узкими лацканами, тугой воротничок и галстук-бабочка – все в тонах бледной сепии.

Бабушка разделила имущество между тремя оставшимися сыновьями.

Дочери в расчет не шли. Их у нее было, кстати, три.

Один сын построил новый дом и новый пруд в селе Мириловичи и жил здесь до самой смерти. Во время засух только в нашем пруде бывала вода, и все приходили сюда за ней.

Второй сын навсегда уехал на север, в Бачку, на самую венгерскую границу; купил имение и стал самым уважаемым человеком в тех краях.

Третий, мой покойный отец Гойко, которого бабушка, как самого младшего, больше всех любила и единственного отправила в школу, на деньги из Гера, штат Индиана, продолжил образование, стал господином, женился на девушке из старинной сараевской семьи Велимировичей, и таким образом я появился на свет в 1937 году в городе Сараево, где научился отличать Вивальди от Боккерини, скотч от бурбона, Брака от Пикассо (период кубизма), Dorn Perignon от Laurent-Perrier, то есть самым важным в мире вещам!

Ели бы гнилая балка на руднике Гер, штат Индиана, незадолго до моего рождения не упала на голову несчастного дяди, я, наверное, никогда бы не стал писателем. В лучшем случае из меня вышел бы пастух, ночной сторож или министр культуры».

Немецкая девушка

Роман Всеволодов

Глава первая

Часы

Гюнтер искал часы. Их нужно было найти, пока Вольфганг не умер, а счет шел на минуты.

– Подарок... жены... Гелли. Они там, на опушке, где снаряд... где меня... Не хочу, чтоб они там...

Найти воронку от снаряда было нетрудно. Вокруг лежали поваленные взрывом деревья. Да и часы – не иголка. Гюнтер подумал, какая она – Гелли, которая сегодня станет вдовой. Наверное, красивая. Здесь, на войне, невозможно представить, что женщины могут быть некрасивыми. Хорошо, что она далеко, и не видит эти часы, над которыми склонился Гюнтер. Их ведь надо снять с руки, валяющейся на земле, – ее оторвало взрывом.

Гюнтер открыл крышку часов. Они все еще идут. Нужно скорее отнести их умирающему Вольфгангу, – это все, о чем он просит, о чем беспокоится, – чтобы не пропал любимый подарок. Иногда человеку так мало надо перед смертью.

Глава вторая

Церковные стены

Я очень хочу, чтобы Эльза выздоровела за эти два дня. Послезавтра у нее день рождения. Грустно, если в свой день рождения не можешь встать с постели. Я хотела пойти в церковь, помолиться за здоровье моей сестры, которой через день исполнится восемь лет. Попросить Бога, чтобы Он понял – *дети не должны умирать*. Если что и должно уцелеть в этом мире после войны, то только ни в чем неповинные дети. Но я не могу пойти в церковь, потому что ее разбомбили. Трудно жить в мире, который не защищают даже церковные стены.

Глава третья

Плохая история

– Я у Ганса талончик на шнапс поменял, и под его именем в бордель прошел. Свои талончики истратил давно. Видели бы вы Ганса, он к женщинам на пушечный выстрел подойти боится. А я не знал, что уже заразу подцепил. Ну, и наградил им девицу от чужого имени. Она – к начальству. Идут разбираться с Гансом, в учетной карточке имя-то – его. Ганс стоит ни жив, ни мертв, признаться боится. Он с девушкой ни разу не был, хорошо хоть если раз в жизни видел, а тут – ловелас, уже и подцепить, и заразить успел. Как товарищ он хороший, меня не выдал. Но ему лечиться надо. А он – здоров. И он так перепугался, что все откроется, и его еще хуже накажут за обман начальства, что меня спрашивал – как этим делом заразиться.

– Йозеф...Йозеф! – Гюнтер повысил голос. – Все, он уже не слышит. Конец.

Все. Зачем ты это ему рассказывал?

– Потому что ясно ведь было, что мы ничего не успеем, правда? И все, что можно было сделать – это чтоб он улыбнулся. Он мой друг.

– А эта история...Ты все выдумал. Я бывал, знаю. Там и солдатскую книжку спрашивают, и врач перед началом осматривает.

– Я просто хотел, чтоб мой друг улыбнулся. Чтоб ему было не так страшно умирать.

– Но он не улыбнулся. Он даже тебя не слышал.

– Значит, я рассказал плохую историю, – вздохнул Йозеф, – нужно было что-нибудь другое.

Глава четвертая

Книги

Эльза просит почитать ей сказку, но у нас в доме больше нет книг. Раньше их было очень много. Мама сожгла их. Если бы не они, отец до сих пор был бы жив. Тогда на площади Бебеля он оказался случайно. Он был профессор литературы, мой папа. И когда на его глазах жгли книги, огромный костер, он не мог не вступить за то, что так любил. Он пришел домой очень расстроенный, и я слышала, он сказал: «Это все равно, что видеть, как на твоих глазах жгут женщину».

Может быть, он до сих пор был бы жив, если бы не начал резко высказываться в адрес тех, кто может позволить себе бросать в костер его любимых писателей. Для папы они были не просто авторы, а живые люди. И он не мог себе простить того, что видел тогда, на площади, как сжигают «живых людей», и ничего не сделал.

Нам с мамой разрешили свидание с ним в лагере. Сидя в комнате ожидания, мы видели в окно, как заключенные строятся на проверку, потом идут на работу. Я все пыталась узнать в этих людях папу. Мы очень долго ждали. Потом нас провели через плац к маленькому домику. Там был открытый гроб. И в нем лежал папа. Мама бросилась к нему, заплакала. А я очень испугалась. Потом мама спросила, отчего он умер.

– Об этом сообщат дополнительно, – сказали нам.

И еще нам сказали, что свидание окончено.

Глава пятая

Лыжи

Когда я ходила в аптеку за лекарствами для Эльзы, встретила Лени с лыжами в руках. Я сразу поняла, куда она их несет. В эти дни объявлен сбор вещей для фронта. Лени говорит, что война скоро закончится. Она верит в наших солдат. Раньше мы катались на лыжах вместе с Лени.

– А ты уже сдала свои? – спросила она.

– Но... Эльза вырастет, будет кататься.

– Даже Кетрин Крац (наша олимпийская чемпионка) принесла свои лыжи для фронта, ты не слышала? А ты жалеешь, для наших солдат жалеешь?

Когда-то мы сидели за одной партой. Лени давно уже состоит в Союзе немецких девушек. А мой отец умер в лагере из-за антинацистских разговоров. Странно, что мы все еще подруги.

– Сейчас идет война, – говорит мне Лени, – от нас с тобой тоже зависит, когда она закончится. А Эльзе лыжи могут и не понадобиться.

– Почему? – спрашиваю я.

– Потому что она болеет. Может быть, она умрет. Ты сама мне сказала.

И это говорит мне подруга.

Дружба – странная вещь.

Глава шестая

Ампутация

Раненых было все больше, и приходилось делать много операций. Хорошо, что у Гюнтера есть ассистенты. Один из них, Йозеф, до войны работал в транспортном агентстве. После отпуска он сказал Гюнтеру, что видел своего начальника, и тот заявил ему, что когда кончится война, то он, разумеется, возьмет Йозефа обратно на работу. Но платить будет только половину прежней зарплаты.

– И, знаете, почему? Я, говорит, раньше думал, что ты очень умный. И тебе надо платить много. Я ошибался. Умный человек, говорит, не может провести всю войну на фронте – он бы нашел себе лучшее применение. Каково?! Так что мне невыгодно, чтобы эта война заканчивалась.

Гюнтер засмеялся. Но смеяться можно было позволить себе, только пока не кончится сигарета. Впереди еще три операции. Отдыхаешь только когда выскочишь из полевого госпиталя на несколько минут – выкурить сигарету. Сигарету приходится держать пинцетом, чтобы ничем не заразиться. Сегодня опять придется ампутировать. Повреждены не только кости, но и мягкие ткани, слишком большой риск возникновения гангрены. Раньше, в самом начале войны, Гюнтер каждый раз долго решался на ампутацию, – думал, можно ли пойти на риск и обойтись без нее, представлял жен, к которым их мужья вернутся уже на костылях. Теперь эти решения принимались за минуты. Гюнтер больше не думал о чужих женах. Неизвестно, чем закончится эта война. Солдат на костылях или с ампутированной рукой, все-таки может воевать. Нельзя было рисковать ничьей жизнью. Для этой войны уже не хватает людей.

Глава седьмая

Карикатуры

С самолетов сбрасывали калек. Только не живых, а нарисованных. Они были изображены на листовках. Вместе с красивыми женщинами. Немецкие, русские, английские, американские листовки, – все они были похожи. В них говорилось о том, что пока ты проливаешь свою кровь на фронте, те, кто послал тебя на эту войну, спят с твоей женой. Роскошная женщина с вьющимися белокурыми волосами, в сладострастной истоме закинувшая голову, отдающая свое тело поцелуям американского джентльмена... Красивая, красочная картинка, вспышка радуги посреди войны. Надпись: «Джентльмены предпочитают блондинок». Но переворачиваешь листовку, и там уже никакой радуги, серый фон, безногий калека в военной форме – то, каким ты можешь стать на этой войне. И надпись: «Но блондинкам не нравятся калеки».

Некоторые листовки можно было читать как книги. Листовки-комиксы. Только в дрожь бросает от таких комиксов. В немецких листовках для американцев нарисованным людям давались имена. Богатый еврей Самуэль Леви, похотливый банкир, задирающий платье твоей жене, которая работает у него секретаршей за 60 долларов. Вот они лежат вместе... Банкир с сигаретой в зубах, читающий газету, и рядом с ним – твоя уставшая жена, уснувшая после того, как ей после долго рабочего дня пришлось удовлетворять похоть Самуэля Леви, делающего капитал на войне.

На следующей картинке зловещего комикса – муж, безногий калека, которого случайно встречает вышедшая из машины Самуэля героиня листовки. «Теперь она знает, за кого воюет ее муж и все остальные». Немцев хотели убедить, что пока они на фронте, спят как раз с их женщинами. Вот рука эсэсовца, того, кто остался в тылу, лезет под платье женщины, закрывшей глаза. Ее грудь уже обнажена, и он похотливо любит ее из-под очков. Большая, жирная рука, срывающая ее чулки. «Для нас на фронте – смерть и тревоги. Нашими женщинами пользуются другие», – авторы листовки говорили от имени всех немецких солдат, «разделяя» с ними беду прелюбодеяния их жен. Чтобы заставить вернуться домой ревнивых солдат, враги изображались на листовках как обманутые герои. Вот немецкий солдат в окопах, нарисованный русским художником. Красивый, мужественный, полный гордой силы, а на другой части листовки его жена и насилующий ее тыловой эсэсовец, похожий на жабу. Которого за штанину пытается оттащить маленькая девочка – дочь погибающего бесславно солдата. Война становилась все более ожесточенной. Слишком у многих дома остались жены. И ревность приводила в ярость больше, чем вражеские пули. Солдаты всех армий торопились убить врагов, чтобы вернуться домой. И узнать: – правда ли их жены изменяют им.

Глава восьмая

Ребенок

Йозеф чувствовал себя неуютно в присутствии Вернера. Вернер знал русский язык, а без него с Людой можно было обойтись только ночью. Когда говорит тело, слова не нужны. Вернер засмеялся перед тем, как перевести то, что услышал.

– Она просит, чтобы ты оставил еще шоколада. Говорит, что если у нее родится ребенок, то она хочет, чтобы он попробовал такого шоколада. Обещает, что будет беречь его для ребенка. И еще она спрашивает, – тут Вернер погрузился, – можем ли мы не уходить. Она боится.

– Нет. Скажи ей, что мы не можем остаться. И еще... скажи ей, что я... Скажи ей что-нибудь хорошее. Объясни, что это приказ, я не могу остаться. Но здесь больше нет большевиков. Ей нечего бояться.

Людин ребенок родится за два месяца до «освобождения поселка от немецких захватчиков», хотя управлять им будут уже не немцы, а те жители поселка, которых они назначили. Обезумевшая от страха женщина станет кричать, что ненавидит своего ребенка – это «немецкое отродье», что ее насильничали, и на глазах собравшихся односельчан разmozжит ему голову камнем. За ребенка никто не решится вступить, потому что все будут знать, что это дитя, прижитое от фашиста.

Саму Люду расстреляют в тот же день. И только немецкий шоколад, который она берегла, не пропадет.

Глава девятая

Пластинка

Лени подарила на день рождения Эльзе джазовую пластинку. Когда-то у Лени был парень, Вилли, он принадлежал к свингующей молодежи, ходил в спортивном клетчатом пиджаке и со свернутым зонтиком под мышкой. Зонт не от дождя, а вместо униформы. Они с Лени расстались еще до войны. Недавно она узнала, что его убили на фронте. Наверное, Лени не хотела, чтобы ей напоминала о нем старая джазовая пластинка.

– Но...Лени, – растерялась я, – эту музыку ведь не рекомендуется слушать. И Эльза еще слишком маленькая для нее. Джаз, как и любую иностранную музыку, слушать сейчас опасно. По радио передавали, что свингующих надо сажать в концентрационные лагеря.

Лени взяла обратно из рук Эльзы пластинку.

– Я тебе потом подарю что-нибудь другое, – сказала она.

Наверное, Лени испугалась, что девочка может сказать, кто подарил ей такую пластинку. Потом, когда Лени ушла, я видела через окно, как она ломает ее и топчет ногами. А ведь эту пластинку ей подарил Вилли. Я представляю, как они слушают эту музыку вдвоем. Наверное, они целовались под нее.

Глава десятая

Вши

Безумие войны сказывается во всем. В эти сумасшедшие дни и вши могут стать предметом торговли. Командующий германской армией, прибывший с инспекцией, сказал раненым солдатам в палате: «Вам сегодня дадут по сигарете за каждую вошь, от которой вы избавитесь». Чтобы получить сигареты, солдаты просили вшей у других солдат, в соседних палатах, куда не зашел командующий. В тот день вши были в цене. Некоторые решались на воровство. Странное, страшное время – когда у тебя могут украсть даже твоих вшей.

Глава одиннадцатая

Зоопарк

Я обещала Эльзе, что если она выздоровеет, то мы поедем с ней в зоопарк. Мы были с ней там в прошлом году, и я сказала, что все животные, и особенно так понравившийся Эльзе бегемотик, скучают без нее и хотят, чтобы Эльза поскорее выздоровела и пришла к ним.

– Они правда без меня скучают? – спросила меня сестренка.

– Правда. Очень, – и я изобразила плачущего бегемота.

Эльза засмеялась.

Когда она выздоровела, мы пошли в зоопарк. В тот день сестренке приснился сон, в котором все звери пришли к нам в гости. И я, слушая веселый Эльзин рассказ, не думала, что сон ее окажется пророческим. Пройдет полтора года, и одна из тех бомб, которые сбрасывают на наш город, угодит в зоопарк. Из своих клеток выбегут звери. Тигры, гепарды, бегемоты будут разгуливать среди руин Берлина. Все поменяется местами. И они будут смотреть на нас, как на диких зверей ужасающего зоопарка, запертых в клетках всеобщего безумия.

Глава двенадцатая

Письмо

«Ваш сын, – писал Йозеф родителям Вернера, – отдал жизнь за фюрера и родное отечество. Он сразу скончался и не испытывал никаких мучений. Он принял свою смерть мужественно. Каждый из нас восхищается его героизмом». Йозефу хотелось, чтобы родители Вернера гордились своим сыном. И чтобы они никогда не узнали, в каких муках он умирал, как звал на помощь, не мог сдержать слез, как он кричал, что ему страшно. Но он все равно умрет героем. Хотя бы для своих родителей.

Заклеивая конверт, Йозеф думал, что пока он еще сильнее этой войны.

Глава тринадцатая

Хорошее настроение

У кого в этот день было хорошее настроение, так это у гинеколога Карла Клауберга, проводившего опыты в концентрационном лагере Освенцим. Он был уверен, что новый метод стерилизации, испробованный им на женщинах-заключенных, окажется эффективным. Сульфат бария и формалин с новокаином. Три или лучше пять инъекций в живот. Тогда яичники становятся нежизнеспособными, а яйцеклетки слипаются между собой. Прелесть. Его маленьким открытием будут довольны. Ведь многим женщинам нельзя предоставлять право рожать. Нация не может позволить себе плодить физически ущербных или умственно неполноценных детей. Рожать будут только те, кому это разрешат. Всех остальных стерилизуют.

Карл уже представлял, как ему вручают какой-нибудь орден – за успешные опыты по удерживанию процесса стерилизации. У него было хорошее настроение. Спустя несколько дней женщины, над которыми ставил опыты Клауберг, сильно заболеют, у большинства начнется воспаление брюшины, многие умрут. Карлу будет казаться, что они это делают ему назло, чтобы он не получил награды.

Глава четырнадцатая

Любовь

Лени пришла со мной посоветоваться.

– Я недавно получила письмо от Фрица. Он пишет, что больше, чем пуль, боится, что я выйду замуж за кого-нибудь другого. У него скоро день рождения. Просит, чтобы я сделала ему подарок. Теперь ведь разрешены заочные браки. Как думаешь, выходить за него?

– Ты его любишь? – спросила я. Я знала, что Лени встречалась с Фрицем после того, как рассталась с Вилли. Но мне казалось, что настоящих, подлинных чувств между ними не было.

– Он хороший, – ответила Лени. – Я знаю, что он любит меня. А это уже много. И еще он до войны каждую неделю по пять марок отчислял по программе покупки автомобиля. На «Фольксваген». Еще до встречи со мной. Я когда узнала, сказала, чтоб он цветов мне не покупал, подарков не дарил, но чтобы обязательно продолжал выплачивать эти пять марок. Я думала, что сразу выйду за Фрица замуж, когда у него будет «Фольксваген». Но теперь я не знаю, не пропали ли вклады. Все-таки война.

– Ты его любишь? Ну, хоть немножко?

– Он хороший, – повторила Лени, – и еще он пишет, что так ему будет легче воевать. Зная, что дома его ждет жена. Я надеюсь, что когда он будет женатым, то убьет больше врагов.

Лени вышла замуж за Фрица. Странная церемония бракосочетания, когда ты не знаешь, жив ли твой муж или его убили как раз в ту самую минуту, когда ты ставишь свою подпись, свидетельствующую о заключении брака.

Глава пятнадцатая

Свадьба

Йозеф был шафером на свадьбе Фрица. Артиллерия позаботилась о «колокольном звоне», а фельдфебель преподнес в подарок жениху бутылку шнапса. Спустя несколько дней Фриц признался Йозефу:

– Мне кажется, что я только теперь по-настоящему начинаю бояться пуль. Не страшно, что умру. Страшно, что Лени не увижу. Я хочу ее увидеть. Хочу, чтобы эта война скорее закончилась. Как ты думаешь, еще долго?

– Не знаю, – сказал Йозеф. Он смотрел на Фрица и думал, что его товарищ сильно изменился за последние дни. Появилась какая-то растерянность, глаза его погрустнели.

«Вот что значит – жениться».

Глава шестнадцатая

Заочные браки

Лени получила письмо от Фрица.

– Пишет, что скучает по мне еще больше после того, как мы с ним поженились. Но отпуск у него нескоро. Я тоже по нему скучаю. Он хороший. Он меня любит.

Я хочу чтобы эта война поскорее закончилась, и мы могли бы жить. Знаешь, я ни о чем пока особенном не мечтаю. Просто жить в великой стране. Хотя если не получится с «Фольксвагеном», будет обидно. И еще хочу, чтобы Фриц устроился после войны на хорошую работу. Слушай, а давай я напишу ему? Те, кто с ним там вместе воюют... Среди них ведь наверняка есть очень одинокие.

– И что?

– Ну как что?! Разрешены же заочные браки. Это не зря сделано. Представь, сколько мужчин погибает на войне. Когда она кончится, далеко не каждой достанется муж. Вот мне беспокоиться теперь нечего. Я замужем. Давай я напишу про тебя, фотокарточку твою пошлю. Наверняка найдется там хоть кто-нибудь из приятелей Фрица, кому ты понравишься. Никогда не надо зря терять время. Пока идет война, можно выйти замуж. Кто знает, может быть, ты понравишься даже офицеру.

– Нет. Не надо. Спасибо.

– Почему? – удивилась Лени. – Вот так, когда хочешь сделать что-нибудь хорошее для подруги, тебе всегда не дают.

В тот вечер Лени сильно обиделась на меня.

Глава семнадцатая

Самострел

Йозеф был всего лишь ассистентом, никогда не воевавшим раньше, а Гюнтер военным хирургом, прошедшим еще Первую мировую войну. Йозеф знал, что при таком опыте Гюнтер никогда не поверит его словам. И все-таки он не мог не вступить за Фрица.

– Ты говоришь, что сам видел, как его ранили? – усмехнулся Гюнтер, – своими глазами? Хочешь сказать, что я не имею никакого представления о ранениях? И ничего не знаю о том, что, когда сам себе стреляешь в руку, то это легко определить по входному отверстию раны?! Там у Фрица черные частички пороха и волосы на коже обожжены. Конечно, я мог бы поверить тебе на слово. Вернее, сделать вид, что поверил. И больше того, вырезать из раны Фрица следы самострела, сделать рану обширной. Но в следующий раз ты скажешь, что на твоих глазах ранили еще кого-то. Нам и так слишком нелегко дается эта война. Я все понимаю. Фриц недавно женился. И ему очень захотелось домой. К жене. Лучше лежать под ней, чем под пулями. Эта война – и моя война. И я не могу предавать ее только потому, что кому-то очень захотелось домой, и он выстрелил себе в руку. Война – как женщина. Нужно быть верным ей, и не изменять. Все больше русских листовок, где они учат нас, как правильно сделать самострел, чтобы он был похож на настоящее ранение. И я должен потакать этому?! Может, мне самому вместо русских листовок, провести такие лекции?! Тогда от нас очень скоро ничего не останется. Нет, Йозеф, самое большее, что я могу для тебя сделать – это никому не говорить, что ты защищал Фрица. Иначе тебя расстреляют вместе с ним.

Йозеф зло усмехнулся в ответ. Но когда Фрица вывели на расстрел, когда прозвучал выстрел, и он, вскрикнув, упал лицом в снег, Йозеф вдруг понял, что никто, ни разу в жизни не сделал для него больше, чем Гюнтер сегодня.

Глава восемнадцатая

Мороженое

Мама сильно устает на работе. Ей приходится шить все больше военной формы. Я знаю, маме тяжело думать, что она участвует в войне, но и эту работу трудно было найти. Я пробовала договориться с Урсулой, хозяйкой модного салона, где я работаю продавцом. Хотела, чтобы она взяла маму на работу швеей. Но Урсула сказала, что она не может так рисковать, это будет уже чересчур. Я понимаю Урсулу. Вообще она добрая. Я довольна своей работой, тем более, что Урсула отпускает меня, когда надо посидеть с Эльзой, а мама не может. К нам в салон каждый день кто-то приходит, потому что и во время войны женщины хотят иметь хоть одно новое красивое платье. Я езжу до работы на метро. Станция Адольф-Гитлер-Плац. Когда я была ребенком, она называлась Рейхсканцлерплац. Потом ее переименовали. Мне еще не так много лет, а кажется, что детство было очень давно. До войны я мечтала о собственных детях, но потом решила, что пока война не кончится, я ни за что не выйду замуж. Я бы с ума сошла, думая, что может случиться с моими детьми. Дети и война – это настолько разные понятия, что их ни в коем случае нельзя соединять воедино. Мне повезло. Я успела стать взрослой до того, как началась эта война. А Эльза еще совсем ребенок. Слава Богу, она выздоровела, и ей можно купить мороженое. Эльза очень любит его. Никакие продукты невозможно купить без карточек. Только мороженое. Правительство хочет показать, что оно заботится о детях. Эльза очень любит мороженое. И я могу купить его ей сколько угодно, не думая о карточках. Если я за что-то и благодарна нашему правительству, так только за это.

Глава девятнадцатая

Музыка

Йозеф очень любил музыку и до того, как устроиться на работу в транспортное агентство, думал, что станет музыкантом. Его учитель говорил: «Все в этом мире – музыка, любой звук. Стоит только внимательно вслушаться. Когда-нибудь ты поймешь, что есть только одна, божественная гармония, распавшаяся на бесчисленное количество звуков, как зеркало на осколки. И долг музыканта – вернуть гармонии утраченную ею целостность, сложить ее даже из случайных звуков».

Йозеф не зря учился музыке. Он мог с закрытыми глазами определить, из какого оружия стреляют – русского или немецкого. Например, русские пулеметы издают глухой кашляющий звук, а немецкие производят шелчки высокого тона. Но прав ли был учитель? Разве это тоже музыка? Нет, это что-то совсем другое.

Глава двадцатая

Бомбы

Казалось, война где-то далеко, пока на Берлин не стали каждый день сбрасывать бомбы. Ты сидишь, пьешь кофе или читаешь книгу, и вдруг твой дом хотят убить, как будто он солдат вражеской армии. Как раз в этот день Лени узнала, что стала вдовой потому что ее мужа расстреляли. Она помнила, что курящая девушка – это плохо, это нельзя. Лени давно бросила курить, но в этот день, получив письмо, не могла не купить пачку сигарет. Она думала, что покурит дома, когда никто не будет ее видеть. Но тут на Берлин упала первая бомба. Раздался взрыв. Улица была почти совсем пустая, только Лени и еще какая-то девушка. Девушка шла вдалеке, по другой стороне улице. Лени уже так хотелось курить из-за письма, что она решила не ждать, пока придет домой, и попросить закурить у этой девушки, вдруг у нее есть спички. После взрыва Лени сначала долго не могла пошевелиться. Потом, шатаясь, сделала несколько шагов. И минуту спустя поняла, что ничего, никогда не хотелось ей больше чем закурить. Она подошла к девушке, у которой хотела спросить спички. Наверное, Лени не сделала бы это, если бы желание закурить не было таким сильным. Это особенный день. Утром она узнала, что стала вдовой, а сейчас чудом осталась жива. На улице никого не было, ни одного человека, спичек не спросишь. И Лени прикурила от головешки, дымящейся рядом с трупом.

Глава двадцать первая

Детские страхи

Есть разные детские страхи. Один из них – милый. Его легко успокоить и почувствовать себя всесильной, видя как прямо на твоих глазах растерянный, испугавшийся ребенок улыбается уже ничего не боящимися глазами.

Эльза была совсем маленькой, когда мы с ней шли по городу, повсюду были развешены плакаты, призывающие экономить и не тратить понапрасну хозяйственные запасы. На одном из плакатов «красовался» отвратительный гном с большим мешком за плечами. «Углекрад», – было написано на плакате. «Не пускай его к себе в дом. Экономь уголь». Эльза очень испугалась, увидев эту отвратительную физиономию, заплакала. Я прижала ее к себе, стала успокаивать, и все закончилось тем, что мы вместе с ней пририсовали злобному гному «углекраду» улыбку. Он уже не был больше таким страшным. Пририсовывать улыбки на государственных плакатах – опасно, но мне слишком сильно хотелось, чтобы Эльза не плакала, и поэтому я ничего не боялась.

Есть и другой детский страх. Когда ты можешь только, прижимая ребенка к себе, лгать ему, чтобы он успокоился, лгать, что все хорошо – в то время, когда твои собственные зубы стучат от страха. Как мне успокаивать Эльзу во время этих бомбежек?! Мне и самой очень страшно. В любую секунду нас с ней и мамой может не стать. Я смотрю на Эльзу и не понимаю, как устроен мир, если этой маленькой девочки вдруг может больше не быть.

Они опять в любую минуту начнут сбрасывать бомбы со своих самолетов, и кто знает, успеем ли мы добежать до бомбоубежища. Зачем нужна была эта война, для чего ее надо было начинать?! Одни говорят, что на нас самих готовили нападение, ведь русские уже напали на Финляндию, другие – что наша страна пережила слишком большое унижение в первой войне, и нам нужно было вернуть себе уважение. Но стоит прочитать «Майн Кампф» и сразу станет ясно, что фюрер давно хотел расширить жизненное пространство для немцев. Эту книгу дарят на свадьбы, дни рождения, ее торжественно вручают на каждом празднике, она есть в любом доме. Но, может быть, ее не читают? Это единственная книга, которую не сожгла мама. Она держит ее под подушкой. Специально, если вдруг придут с обыском, вспомнив про отца. Мама боится за нас с Эльзой.

Я хотела спросить Лени (она ведь работает в книжном магазине) много ли сейчас покупают «Майн Кампф». Ведь если вдуматься, из-за человека, написавшего ее, сейчас бомбят наш город. Но бояться далеко не все. Некоторые, кажется, рады отдать свою жизнь за фюрера. Изо дня в день нас приучают к мысли, что героическая смерть – это великое благо. Стоит только включить радио. Правительство позаботилось о том, чтобы радиоприемник был в каждом доме. Он давно уже стоит всего 35 марок, не то, что раньше. Теперь все могут купить. Я не знаю, может, я тоже, как Лени, любовалась бы на портрет фюрера, если бы однажды не увидела, как он после выступления вручает награды детям из «Гитлерюгенда». Только что горевшие во время его речи глаза потускнели, рука машинально вскидывается в приветствии. Я увидела тогда, почувствовала очень ясно, что он совершенно не любит детей. Именно такие люди и начинают войны.

Глава двадцать вторая

Призвание

Йозеф сказал Гюнтеру: «Иногда я думаю, что эта война началась для того, чтобы каждый из нас нашел свое настоящее призвание. Должен ведь быть какой-то смысл у этой войны. Я понял, в чем мое призвание. В транспортное агентство я больше не вернусь. Я буду лечить людей».

Йозеф, начинавший в войну простым ассистентом, и правда делал большие успехи. Со временем он мог стать хирургом. И Гюнтер решил помочь ему попрактиковаться.

– Сегодня ты будешь оперировать.

– Как это я? – растерялся Йозеф.

– Ты сам сказал, что нашел свое призвание. Ты быстро учишься. Один из этих русских, которых мы взяли в плен... Ранение в брюшную полость. Еще несколько часов, и будет поздно. Даже если ничего не получится, ты делаешь для него очень много. Ты даешь ему шанс.

Когда растерянный Йозеф заговорил о наркозе, Гюнтер усмехнулся: «Наркоз мы побережем для наших солдат».

Глава двадцать третья

Похороны

Отец Лени умер еще до войны. У него было слабое сердце. Тогда Лени казалось, что ничего в ее жизни ужаснее быть больше не может, она очень любила отца. И еще ничего не знала о том, что пройдет несколько лет, и ее мама не успеет выбежать из дома, когда начнутся бомбардировки. Лени в это время работала. Город бомбили все чаще, настолько часто, что новые бомбардировки начались, когда Лени стояла у гроба своей матери, который должны были опустить в землю.

Мы с ней сидели в бомбоубежище, и Лени, уткнувшись мне в плечо, плакала: «Она, там, одна. Если бомба упадет, от гроба ничего не останется. Какие все трусы. И я тоже. Я больше всех. Можно ведь было успеть опустить гроб. Чувствую себя крысой. Я хочу выйти, пусть меня убьют».

Я крепче прижала к себе Лени, пытаюсь успокоить ее. Не знаю, удалось ли мне это, но она осталась в бомбоубежище. Мы с Лени теперь не просто подруги. С тех пор, как ее дом превратился в руины, она живет у нас.

Глава двадцать четвертая

Просьба

Йозеф считал, что Бруно поступает неправильно. И просто дело в том, что вся его семья, жена, мать, две дочери погибли в Берлине при бомбардировках.

– Я знаю, что случилось. Но это сделали не русские. Это американцы бомбят Берлин.

Йозеф понимал, что теперь, когда героическое завоевание чужой земли сменилось почти паническим бегством, говорить что-то хорошее о русских опасно. Но он испытывал какую-то вину перед ними, которой совсем не было раньше, в начале войны. Это чувство появилось недавно, после того как он не смог сделать операцию, и доверенный ему Гюнтером солдат умер у него на глазах. Это была первая смерть на войне, в которой был виноват сам Йозеф. Пленный русский смотрел на него такими глазами, будто совсем не понимал, что Йозеф всеми силами пытается его спасти, и это сложная операция, а не изощренная пытка, с помощью которой от него хотят добиться каких-нибудь важных сведений. Йозефу было важно спасти чужого раненого не потому, что ему было его жалко, просто в этом спасении он искал подтверждения тому, что и правда нашел на войне свое настоящее призвание.

И еще он пытался остановить Бруно из-за мыслей о Люде. Сейчас, когда они отступали и сжигали за собой деревню, в которой еще недавно были хозяевами, Йозеф просил Бруно не запираť в домах живых людей. Он думал о Люде. Нет, конечно, никаких чувств он к ней не испытывал, но Йозефу было неприятно при мысли о том, что женщина, засыпавшая рядом с ним, которая ночью клала ему голову на грудь, может превратиться в пепел, потому что все начнут, отступая, сжигать ту землю, которую успели завоевать, вместе с живыми людьми. А эта женщина, может быть, ждет его ребенка.

Йозеф не смог ничего изменить. Бруно не захотел его слушать.

Глава двадцать пятая

Счастье

– Хайль Гитлер! – Эльза, увидев меня, вскинула свою маленькую ручку в нацистском приветствии. Я сразу поняла, кто научил ее этому. Нельзя было оставлять ее наедине с Лени.

– У тебя хорошая сестра, – сказала она мне, – я сегодня рассказывала ей про фронт, и она поняла, что победа зависит от каждого из нас. И от нее тоже

– Про фронт? Но она ребенок совсем, ты бы ей лучше сказку почитала.

– Какие сейчас могут быть сказки! – воскликнула Лени. – И потом, что значит ребенок? Сыну директора магазина, в котором я работаю, недавно исполнилось четырнадцать. На прошлой неделе он пошел в фолькс-штурме – там целый отряд его сверстников набрался. В любом возрасте можно воевать. Наши враги слишком коварные и подлые. И их трудно победить. Давай сходим с Эльзой в тир. Ей нужно научиться стрелять.

– Ты с ума сошла?! Оставь Эльзу в покое. Она ребенок.

– Никто сейчас не имеет права быть ребенком, – твердо сказала Лени. – Ты слушаешь радио? Из-за подлости наших врагов дела на фронте не так хороши. Может быть, всем нам скоро придется воевать. Иначе придут эти ужасные враги и все у нас отнимут.

– Но Лени... – было жестоко, но сейчас я не могла не сказать этих слов, – что у тебя отнимать?! От твоего дома ничего не осталось. У тебя ничего нет. Родителей, мужа, вещей, ничего и никого. Что у тебя можно отнять?

– Очень много. Счастье. Счастье жить в самой лучшей, главной стране мира. Если нас победят, мы больше не будем главными.

Глядя в горящие глаза Лени, я боялась, что скоро не смогу справиться с миром, где все заодно. Мира, который так хочет лишить мою маленькую сестренку детства.

Глава двадцать шестая

Красота

То, что мы живы, мама считала чудом еще до начала войны. Из-за тех разговоров, которые вел отец, с нами могли сделать все что угодно. Я была еще маленькая, и не знаю точно, что он говорил. Но помню его слова про то, почему на выборах победили нацисты: «Немцы любят порядок во всем, и Гитлер догадался: чтобы добиться успеха, для его партии нужно придумать униформу. Именно после этого в национал-социалистическую партию стало вступать столько людей. Мы странные люди. Армейская строгость рождает у нас доверие».

Все-таки думаю, что если бы отец был прав, в Германии не существовало бы ни одного магазина, подобного нашему. Никому не нужна была бы красивая одежда. Правда, у нас уже целую неделю нет ни одного покупателя. Наверное, его скоро закроют, как закрыли книжный, где работала Лени – не хватает бумаги даже для печатания правительственных газет, что говорить о книгах. Но сегодня к нам пришла первая покупательница за неделю. Сначала я обрадовалась, а потом поняла, что ей просто хочется поговорить, и она не собирается ничего покупать.

– Простите, что я здесь у вас так долго примеряю эти платья. Но мне просто трудно уйти. Наш город перестает быть красивым, вы замечаете? И смерть может быть возвышенной, замечательной, не так страшно, что из-за этих бомбардировок все мы в любую секунду можем погибнуть. Но из города уходит красота. Я раньше увлекалась новинками моды. Знаете, недавно в одном из номеров «Фрауенварте» прочла советы моды. Видели? Как нас учат делать купальные костюмы из банных халатов и мужской одежды. Наверное, они думают, что наши мужья уже никогда не вернутся к нам с войны, и заботятся о том, чтобы их одежда не пропала даром. А раньше в Берлине было столько салонов красоты. Но теперь нам говорят, что немецкой женщине стыдно привлекать к себе внимание посредством броской одежды. Это удел проституток. И стиль моды нам задают парижские проститутки, которые в Германии сотрудничают с еврейскими торговцами одежды. Не знаю, насколько в данном случае права наша партия, но я вижу, что Берлин становится некрасивым.

Возвращаясь домой с работы, я увидела отца моего одноклассника. Я не сразу узнала его. Он воевал на Первой мировой войне и потерял там ногу. Его повесили на фонарном столбе. На табличке, прикрепленной к шее, было написано: «Это ждет каждого, кто будет призывать сдать наш город русским». Рядом с виселицей совсем еще маленький мальчик испуганно жался к маме и, плача, спрашивал ее: «Зачем дяденьке оторвали ногу? Потому что он плохой, да?»

Из нашего города и правда уходит красота.

Глава двадцать седьмая

Веселая байка

Потом уже, спустя много лет после войны, будет рассказываться веселая байка о бойцах батальона Самсонова, которые, подойдя к зданию рейхстага, растерялись:

– Рейхстаг-то рейхстаг, да тот ли?

Позвонили полковнику, спрашивают:

– Говорят, есть еще один рейхстаг. Может, это не тот? Какой брать?

– Берите этот. А если окажется, что не тот, берите другой.

Казалось бы, веселая байка. Да только за ней – презрение к человеческой жизни, которая и в мирные дни мало что стоила. Поэтому именно русские брали Берлин. Союзники, сбрасывавшие день за днем бомбы на город, не зная кого они разнесут в клочья – немецкого солдата, ребенка или женщину, понимали, каких жертв будет стоить взятие города. Своих людей было жалко. Потом они будут говорить, что «русским великодушно уступили право взятие города, сделали им милость».

А ведь у бравших Берлин даже не было нормальных карт города.

Глава двадцать

Восьмая синяки

Я помню, когда мама плакала в последний раз. Уже после того, как умер отец, она прочла объявление в газете о том, что «имперский комиссар по утилизации старых материалов просит, чтобы женщины сдавали свои волосы, так как те нужны для определенных отраслей промышленности».

У мамы были очень красивые волосы. Но она обрезала их. Я слышала, как мама, плача, шепчет: «Пусть, пусть забирают у меня все. Раз им мало мужа. Все, все пусть забирают». С тех пор она не плакала. Но сегодня я застала ее в слезах.

– Я понимаю, что Лени – твоя подруга. Но она... увела Эльзу...и когда они пришли...Эльза – в синяках...у нее кровь на щеке. Я запрещу Лени жить у нас.

Оказалось, что Лени уже сколачивает отряд из детей соседских домов и заставляет их драться между собой. «Боевая подготовка». Я набросилась на нее. Синяк под глазом моей маленькой сестры, разодранная в кровь щека – хороша плата за гостеприимство.

– Скоро сюда придут русские, – кричала на меня в ответ Лени. – Ты читала в газетах, что они с нами сделают?! Ты должна быть мне благодарна. Я учу твою сестру защищаться. Мы все уже попали на эту войну. Надо успеть научиться защищаться.

– Оставь в покое мою сестру!

– Это не твоя сестра. Это солдат. Мы все теперь солдаты. Мы не должны отдать город. Мы будем защищаться.

– Оставь в покое ребенка!

– Никто сейчас не имеет права быть ребенком. Что, ты хочешь сдать город?! Может быть, ты такая же, как твой отец?! Может быть, ты пишешь эти гнусные листовки, которые говорят, что нам всем надо сдаться?!

Лени смотрела на меня такими злыми глазами, что я вспомнила про фонарный столб, на котором повесили отца нашего одноклассника. А ведь Лени может написать на меня заявление.

Дружба – странная вещь.

Глава двадцать девятая

Тюрьма

В тюрьме неизвестно было, как идет война. Никто не думал, что их сроки окончатся так быстро, и они выйдут на свободу под звуки выстрелов из стен тюрьмы, разрушенных артиллерийским огнем. Часовые сначала еще пытались удержать заключенных, но когда поняли, что им это не удастся, бежали, пытаясь спасти свои жизни и попадая под пули русских солдат. Освобожденные узники чувствовали себя растерянными, слишком неожиданной и страшной оказалась свобода, о которой каждый из них так мечтал.

– Они просят оружие, – объяснил майору Тягунов, немного знавший немецкий. – Говорят, что готовы воевать.

– Какой воевать?! – усмехнулся майор. – Они что, знают, как оружие в руках держать?! А мы им свои автоматы отдавай!

– Товарищ майор, – позволил себе возразить Тягунов, – мне кажется, такие бойцы пригодятся. Они же обозлены. Они и с голыми руками пойдут мстить тем, кто их в тюрьму засадил. А оружие можно взять у убитых немцев.

– Вот и пусть идут с голыми руками, – сказал майор, – и потом, это тюрьма. Здесь не политические, может, сидят. А воры какие-нибудь. Мы им автоматы, а они грабить пойдут. Вон, дай этому... он точно не вор. По глазам вижу. С автоматом его хоть не сразу убьют.

Тягунов дал автомат убитого часового заключенному, который казался совсем беспомощным. Он испуганно озираясь по сторонам и все поправляя спадающие очки. Тягунов показал ему как стрелять. Через несколько секунд раздался выстрел. Тягунов, увидев, в кого выстрелил заключенный, кинулся к нему отобрать скорее автомат.

– Он что, охерел совсем?! – закричал майор. – Что он там лопочет?! Переведи.

– Он говорит, что автомат ему больше не нужен. Свою войну он уже выиграл.

Тут заговорил другой заключенный, который объяснил – Эрих оказался в одной камере с любовником своей жены. И тот, когда узнал об этом (Эриха он раньше никогда не видел), стал каждый день измываться над ним, рассказывая в камере о прелестях его супруги, описывая свою с ней связь в самых интимных деталях. Несколько раз несчастный обманутый муж, вынужденный терпеть унижения, пытался прервать садистски забавляющегося любовника своей супруги, но тот был гораздо сильнее, да и вся камера с большой охотой слушала скабрезные подробности чужой интимной жизни.

Тягунов перевел это майору.

– Оружие им, сукам! – воскликнул тот. – Что-нибудь еще посоветуешь мне, под трибунал пойдешь, ясно?

– Так точно, товарищ майор, – ответил Тягунов.

Глава тридцатая

Операции

Гюнтера, а вместе с ним второго полевого хирурга и двух его ассистентов, перестрелял Хорст, жизнь которому они спасли ценой ампутации правой ноги. Хорст считал, что при отступлении они просто спешили и сделали из него инвалида только потому, что хотели поскорее закончить свою работу, а не оттого, что не было другого выхода. Если бы в пистолете было шесть патронов, а не пять, то Йозеф тоже бы не остался в живых. Но последний патрон Хорст оставил для себя. Жить на костылях он не хотел. Сначала Йозеф считал свое спасение чудом. Но вскоре он пожалел о том, что остался жив. Операции, кроме него, больше делать было некому. А раненых становилось все больше. Йозеф один, вместо хирурга и ассистентов пытался спасти очередного раненого, чувствуя полную свою беспомощность. Они все умирали, и только очень немногим удавалось помочь. Йозефу не хватало знаний, опыта, сил. И он еще хотел после войны стать врачом или даже хирургом!

Это ощущение беспомощности, когда от тебя зависит чужая жизнь, а ты ничего не можешь сделать... Ненависть к собственным глазам, которые слипаются, когда держишь в руках скальпель. Он чувствовал себя виноватым в этих смертях. Невыносимо было думать, что он не столько спасает людей, вернее, пытается спасти, сколько мучает их перед смертью. Делать операции одному – невозможно. Когда Йозеф застрелился, многие сочли это не только слабостью, но и предательством.

Глава тридцать первая

Учитель музыки

Если в городе кончают с собой даже старики, то значит, дела совсем плохи. 67-летний Эрнст Латтман, тот самый, который учил юного Йозефа видеть гармонию в любом звуке, проверил, крепкой ли получилась петля. Он понял, что сойдет с ума от этих ужасных звуков – разрывов снарядов, сирены, призывающей бежать в бомбоубежище, выстрелов на улицах... Из них не сложить гармонию музыки, это не осколки, а что-то совершенно иное, чудовищное, из другого мира. Мира, в котором не знают, что такое музыка.

Именно в ту минуту, когда Латтман проверил, крепкой ли получилась петля, в дверь постучали. Еще до того, как они заговорили, учитель музыки понял, кто это. Он прекрасно знал, как выглядит немецкая военная форма. Это были чужие солдаты. Один из вошедших увидел проигрыватель и подошел к нему. Взял пластинку. Улыбнулся. Увидев эту улыбку, Латтман вздрогнул. Значит, есть надежда? Если они любят музыку, то город может спастись. Значит, они не звери, как об этом предупреждают газеты. Учитель подошел к проигрывателю, протянул пластинку. Брамс. Человек в военной форме поставил ее. Раздались первые звуки Музыки, и учителю показалось, что в комнате стало светлее. Значит, можно говорить, понимать друг друга без помощи слов, на божественном языке музыки.

Человек раздраженно снял пластинку и бросил ее на пол. Учитель протянул ему другую. Девятая симфония. Туда же. Лоэнгрин, Сметана... Все в раздражении бросалось на пол, сразу же как только начинала звучать музыка. Пластинок больше не было. Но этот человек, не отходивший от проигрывателя, увидел в углу одну пластинку, взял ее, поставил. И вдруг зачарованно улыбнулся. Дослушал до конца. Поставил еще. Обыскав квартиру, они ушли, взяв с собой проигрыватель и одну пластинку.

Эрнст Латтман подошел к петле. Он понял, что у его города нет никакой надежды. Пластинка, которая случайно оказалось у него, была чудовищно примитивным рекламным диском текстильной фирмы, которую дарили при покупке ткани.

Латтман все забывал ее выбросить.

Глава тридцать

Вторая баян

Когда Вернер был еще жив, то, приехав в отпуск в родной Берлин, привез дочери в подарок русский баян.

Тягунов часто рассказывал о своем баяне: «У матери память обо мне. В письмах писала, что посмотрит на него, и сразу мирное время вспомнит. Когда я, мальчишка еще, на баяне... А суки эти, фашисты, когда поселок наш заняли... И мать бросилась, не могла мой баян отдать, умоляла не отнимать. А они ее – из автомата. Сестра видела. У нее на глазах прямо. Мать... Из автомата».

Тягунов не думал, что услышит звуки своего баяна, когда подойдет к самому Берлину. Слишком большим было расстояние от маленького русского поселка до столицы Германии. Но, услышав, как в доме, мимо которого он проходил, играют на баяне, он понял, почувствовал, что это именно его баян, который стоил жизни матери. И Тягунов выпустил целую автоматную очередь в открытое окно. Раздались крики. Тягунов вбежал по лестнице, стал стучать в дверь. Там долго не открывали. Потом все-таки открыли. Перед ним стояла женщина с остекленевшими глазами. Тягунов увидел девочку в крови, лежавшую на полу, руками все еще сжимавшую баян. Он узнал его. Он не ошибся. Тягунов растерянно смотрел на девочку.

– Извините, – сказал он женщине по-немецки.

Но та, казалось, не услышала его. Она была в халате. Судя по мокрым волосам, только вышла из ванной. Тут халат ее нечаянно распахнулся, и Тягунов увидел, что женщина накинула его на голое тело. Взгляд его скользнул по ее голой груди, уткнулся в мокрые волосики между ног. Он подошел к ней, обхватил руками. Сначала она подумала, что он хочет утешить ее, прижать к себе, и ей неприятно было, что этот человек думает, что сейчас ее можно утешить. Но в следующую секунду руки его сбросили ее халат на пол. Потом рывком прижали к себе. А потом, схватив за волосы, поставили на четвереньки. Лицом к окну. Чтобы не видеть мертвую девочку. Она будет мешать.

Глава тридцать третья

Расстрел

Эльза опять очень сильно заболела. Из-за Лени. Я не думала, что Лени способна на такое. Это чудовищно. Придя домой с работы, я не застала дома Лени и Эльзы. Мама сказала, что они куда-то уехали, и она пыталась не пустить Эльзу, но Лени оказалась сильнее. Правда, она заверила маму, что все будет в порядке. Когда они вернулись, Эльза вся дрожала, как будто ее долго били, и испуганно оглядывалась по сторонам, словно вошла не в собственный дом, а в чье-то чужое жилище, где кто-нибудь сейчас набросится на нее из-за угла.

– Там... там..., – она больше не могла выговорить ни слова. Оказалось, что Лени возила ее смотреть расстрел. Узнав об этом, мама упала в обморок, и, придя в себя, сказала Лени, чтобы она убиралась вон.

– Хорошо, – ответила Лени, – только русские уже входят в город. Все солдаты на фронте. Нас могут спасти только новые отряды. А из кого их собирать, вы не подумали?! Выйдите на улицу, сейчас и у десятилетнего мальчишки – оружие. И правильно, что для них устраивают показательные расстрелы. Их приучают к мужеству. Чтобы они не боялись убивать. Сейчас приходится быстро учиться. Когда враг у города, никто больше не имеет право на детство. Каждый ребенок прежде всего немец. А немец обязан защищать свою великую страну. И Эльза тоже будет воевать. Она уже большая.

– Вон, – повторила мама.

– Я чувствую, что здесь, возможно, гнездо изменников. Теперь я понимаю, как были правы те, кто в свое время, приказал арестовать вашего мужа.

Видя, что мама сейчас опять упадет в обморок, я закричала:

– Хватит! Уходи отсюда! Убирайся!

Обернувшись уже на пороге, Лени сказала:

– Я надеюсь, что в вас обеих говорит трусость, а не предательство. И я верю, что Эльза окажется смелее и благоразумнее вас. Я научила ее стрелять.

Глава тридцать четвертая

Любимый человек

Наш магазин закрылся. Никто больше не хочет покупать красивые платья. По радио передают, что русские насилуют даже монахинь. И красивое платье сейчас можно надеть только в безумии. Теперь я не отхожу от Эльзы ни на минуту. И когда опять начинают бомбить наш город, больную сестренку с температурой 38 приходится поднимать с постели и тащить в бомбоубежище. Она просит разрешения остаться, говорит, что ей очень плохо. Трудно объяснить ребенку, что его могут убить. Она все спрашивает меня, зачем «это» сделали с теми людьми. Она говорит «это» вместо «убили» или «расстреляли». И я, кажется, только сейчас понимаю, как мне страшно. Жить столько времени, несколько лет, зная, что в любую секунду над городом могут опять появиться самолеты и начать сбрасывать свои проклятые бомбы. Они хотят убить всех нас. Ты проходишь по улице, идешь завтра той же дорогой, но уже мимо руин. Нет еще одного дома. И то, что на этот раз бомба попала в чей-то чужой дом, только случайность. Которую скоро исправят. Слишком часто над нашим городом появляются самолеты. Они кружат над Берлином, как хищные птицы. Берлин для них – падаль, которую они скоро склюют. А ведь было время, еще не так давно, когда можно было без страха поднимать голову к небу. Я хочу жить. Да, я хочу жить. Я хочу выйти замуж. Просыпаться рядом с любимым человеком. Я хочу иметь детей. И знать при этом, что никто не может, не имеет права их убить.

Глава тридцать пятая

Чудо

Гершель и сам уже не знал, боится ли он умереть. Он часто думал о том, почему Бог допускает это, почему не вмешается. Но когда он увидел, что газ, пущенный для уничтожения заключенных в газовой камере, не подействовал на грудного младенца, который, потеряв голос, отчаянно шевелил ручками и ножками, Гершель подумал, что Бог, наконец, вмешался в дела людей. Произошло *чудо*. Газ, смертельный для любого взрослого, не подействовал на ребенка. Невинное, крохотное существо, тянущее свои ручки к жизни, даже такой ужасной жизни, где лежат вповалку мертвые тела, включая и его собственную мать.... Но когда зондерфюрер Ганс вытащил револьвер и несколько раз выстрелил в младенца, Гершель понял самое страшное – люди сильнее, чем Бог.

Глава тридцать шестая

Усадьба

«Если умеешь все обратить себе во благо, то и из войны можно извлечь определенную выгоду».

Когда закончится война, окажется не так важно, на чьей стороне ты воевал. Не от этого будет зависеть судьба. Многих победителей, ничем не запятнавших себя, расстреляют. А вот, например, Артур Аксман – один из руководителей «Гитлерюгенда». Именно он, а не кто-нибудь другой, в дни осады Берлина будет приказывать подросткам брать в руки оружие. И идти умирать. *Он будет приказывать детям умирать*. Сотни мальчишек погибнут, повинувшись его приказам, наученные им защищать свой город с оружием в руках. После войны ему дадут тюремный срок – всего несколько лет. Потом Аксман займется коммерцией. Заведет нужные знакомства. И ему даже вернут конфискованную раньше усадьбу на берегу Винзее. И там, в окружении столетних платанов, лип, дубов, он будет гневно возмущаться: «Если бы вы видели, в каком состоянии мне вернули эту усадьбу! Сюда нельзя было зайти – грязь, ужас!»

У каждого свое представление о том, что такое ужас.

Глава тридцать седьмая

Сны

Мне снятся кошмары по ночам. И во сне мне больше не найти покоя. Я вижу детей, совсем еще маленьких. Они играют друг с другом, смеются. И вдруг раздается голос, откуда-то с неба. Голос, который объявляет, что им всем надо покончить с собой. Дети растеряны. Они еще слишком маленькие, и поэтому не понимают, что значит – покончить с собой. Голос строгим родительским тоном объясняет им, что надо сделать. И тогда эти дети, малыши еще совсем, один за другим послушно идут к озеру и падают вниз, выстроившись в очередь. Они не смеют ослушаться. Я бегу к ним. Я хочу их остановить. Сказать, что их обманули, пусть они не слушают этот ужасный голос. Но они не слышат меня. Я натываюсь на какую-то невидимую стеклянную стену, разделяющую нас. Я кричу. Я очень громко кричу, чтобы они услышали. Но они не слышат. И я вдруг понимаю, что в этом мире больше не осталось детей. Ни одного ребенка. А потом я вижу, как у какой-то женщины рождается дитя. Только оно – взрослое, с усами и в очках. В мире больше нет детства. Люди сразу рождаются взрослыми.

Такие сны могут свести с ума.

Глава тридцать восьмая

Честный гражданин Германии

Раньше Генриетта всегда неторопливо ждала, когда все закончится, поднимется с нее очередной клиент, перестанет наконец наваливаться всем телом, и можно будет принять ванную. Теперь все было иначе. Она боялась, когда все закончится, и старалась, чтобы это длилось как можно дольше. Только те минуты, когда там, внутри нее кто-то был, она могла чувствовать себя хоть немного спокойной. То что будет потом – неизвестно. Может быть, она чем-то не понравится, и ее переведут обратно. Пока ей повезло. Если другие женщины отчаялись настолько, что совсем перестали следить за собой, то Генриетта не забывала о том, что должна хорошо выглядеть и в концентрационном лагере. «Красота женщины – ее оружие». Поэтому, когда в лагерь приехал Гиммлер и распорядился создать там публичный дом, который могли бы посещать эсэсовцы, Генриетта оказалась первой, на кого обратили внимание. Она была счастлива. К такой работе ей не привыкать. Вместо тюфяка у нее теперь была нормальная кровать, ей выдавали особый паек, водили в солярий и даже стали выплачивать деньги. Главное – сделать как можно приятнее очередному эсэсовцу и ничего не говорить ему. За свой язык она и поплатилась, когда была еще там, на свободе. Как давно. Не верится. Генриетта еще ничего не знала ни о концентрационных лагерях, ни о том, что Гитлер втянет весь мир в войну. Он просто ей не нравился. Как мужчина. Даже проституткам не обязаны нравиться все мужчины. И тогда она его еще совсем не боялась.

Зачем-то Генриетта разговорилась с очередным клиентом. В тот день у нее был день рождения, и она много выпила.

– Я не понимаю, – сказала она, – как могло столько человек на выборах проголосовать за Гитлера. Он ведь совсем некрасивый. Если бы он пришел ко мне, я бы ему отказала. За любые деньги.

Потом, когда Генриетту арестовали, и она увидела, что творится в лагере, она подумала, что ей повезло – могли просто убить. Теперь она молчала. Если она широко открывала рот, то совсем не для слов, а для дела. Но если надо, она скажет, что Гитлер – самый красивый мужчина на свете.

Иногда ей снилось, что он приходит к ней, она просит у него прощения на коленях, а он приказывает встать на четвереньки и бьет ее ремнем до крови. Генриетта вслух считает каждый удар и говорит: «спасибо». Страх лишил свободы и ее сны.

Сегодня у Генриетты был странный клиент. Он долго не раздевался. Стянув сапоги, он так и остался сидеть на стуле. Генриетта подошла к нему, помогла раздеться, припала губами к его паху. Она знала, как возбудить мужчину. Он уже был там, внутри нее, а потом обмяк, сел на кровать, закрыл голову руками. И Генриетта поняла, что ему сейчас нужна нежность. Он положил голову на грудь, она стала гладить его как ребенка. Генриетта умела быть нежной.

– Мы, – голос его дрожал. Даже не видя его глаз, она знала, что он плачет. – Мы проиграем эту войну. Скоро нам всем конец. Мы верим Гитлеру. Но на него нельзя больше надеяться. Он не умеет воевать. У нас нет шансов.

И тут Генриетта поняла, что сейчас наступило то время, когда больше не надо молчать, необходимо сказать что-то, успокоить этого взрослого ребенка, положившего ей голову на грудь.

– Наш Фюрер, – она так и сказала, «наш», – знает, что делает. Может быть, он просто об этом не говорит. Но он победит. Он обязательно победит. Он выиграет эту войну.

Генриетта словно рассказывала сказку испуганному ребенку, утешая его своим голосом. Они уснули вместе. Генриетте было приятно лежать вот так, рядом с мужчиной, таким ребен-

ком, просто обнявшись, как будто они родные люди. Неужели он говорит правду, и война скоро закончится? Тогда Генриетта будет на свободе.

Она долго лежала с открытыми глазами, она гладила волосы спящего рядом с ней мужчины. Она была очень благодарна ему за благую весть. Генриетта мечтала о том, что будет делать на свободе. Первым делом пойдет в кино. Два, нет, три сеанса подряд. Неужели и правда война скоро закончится?

Офицер СС проснулся раньше Генриетты. У него жутко болела голова. Он брезгливо взглянул на спящую женщину. Как он мог остаться здесь с ней?! И наговорить столько какой-то жалкой твари?! Которая к тому же будет считать его импотентом. Зачем он вчера столько выпил?! Хотя он знает зачем. Ему было страшно.

Генриетте снилось, что она сидит в кинотеатре, на первом ряду, смотрит фильм про любовь. А потом с экрана в нее вдруг начали стрелять. Ей сделалось невыносимо больно...

Офицер продолжал стрелять, пока не закончились пули. И несмотря на то, что Генриетта уже не дышала, ему было жалко, что их оказалось так мало.

– Вы думайте, кого приглашаете сюда работать! – выговаривал он потом. – Она такие вещи мне говорила про фюрера! Про то, что скоро всем нам конец, что он не умеет воевать... Я, как честный гражданин Германии, не мог не застрелить ее на месте.

Глава тридцать девятая

Мечта

И еще я поняла, что до сих пор не знаю, о чем мечтает Эльза. Если всем нам придется умереть, я должна успеть исполнить ее мечту. Я спросила Эльзу, и она сказала, что когда мы, давно уже, были в кондитерском магазине, то увидела там большого шоколадного медведя.

– Но почему ты ничего не сказала мне об этом?

– Потому что я уже большая. Я знаю, что у нас мало денег. А он очень дорого стоит.

– У меня есть... есть, – торопливо стала заверять я сестренку. Мне было страшно оттого, что я не могла раньше спросить ее. А она, бедная, наверное, представляла себе этого шоколадного мишку, мечтала о нем, но стеснялась сказать об этом нам с мамой. Почему только когда весь мир стирают с лица земли, и я каждую минуту боюсь, что нас убьют, я спросила Эльзу, о чем она мечтает?! Почему я не могла сделать этого раньше?!

Я пообещала Эльзе исполнить ее мечту. Но это оказалось не так легко. От магазина, в котором мы когда-то были с Эльзой, остались одни руины. Я думала, что приду домой с большим шоколадным медведем. А вернулась с двумя детьми. Я встретила их на улице. Совсем еще крохи. Брат и сестра. Людвиг и Гелли. В их дом попала бомба, и мама умерла у них на глазах. А они чудом остались целы. Они сидели, прижавшись друг к другу, и не знали куда идти. Я привела их к нам домой.

Глава сороковая

Новое имя

– Габриэлла. Габриэлла, – повторял Вольфганг, но Блонди не отзывалась на новое имя. – Вот видишь, – обернулся он к жене, – ее не переучить.

– Ну, пожалуйста, давай попробуем еще раз. Она умная. Она научится.

– У нас нет времени ее учить. Ты что, не слышала радио?! Не сегодня-завтра русские будут здесь, и войдут к нам в дом. Если они узнают, что нашу собаку зовут Блонди, они нас убьют.

– Откуда они узнают?!

– Кто-нибудь им скажет. Или они сами проверят. Вот увидишь, они каждую собаку будут проверять, если она откликнется на Блонди, то убьют и ее, и хозяев.

– Ну почему ты так в этом уверен?

– Опасности сейчас надо ожидать с любой стороны. А с этой – тем более. Они ненавидят Гитлера и все, что с ним связано. Они хотят отомстить. И они прекрасно знают как зовут его любимую собаку. И какой она породы. У нас точно такая же. Лайма, Лайма, – попробовал он еще раз подзвать растерянную Блонди, – вот видишь, не откликается. Уже два дня бьемся. Глупая псина. Безмозглая. У нас больше нет времени. Нельзя так рисковать. Нам придется от нее избавиться.

– Но ведь она... как член семьи. И потом, ты подарил ее мне на день рождения.

– Послушай, это просто собака. Мы потом заведем другую. И больше не допустим такой ошибки с именем. Мы хотели показать свою лояльность фюреру, и вот что получилось.

– Но она у нас уже три года. Она такая хорошая.

– Послушай, дорогая, нам нельзя рисковать. Иметь сейчас собаку с таким именем – значит подвергать себя дополнительному риску. Зачем это нам нужно?!

Я привык все предвидеть заранее, именно поэтому мне удалось остаться здесь, с тобой, и не попасть на фронт. Каких усилий мне это стоило.

– Но пожалуйста... пожалуйста... давай еще попробуем. Она умная. Она будет отзываться на другое имя. Лайма... Лайма... Ну, пожалуйста, глупая, ну, Лаймочка!

– Вот видишь...Бесполезно. Нам нельзя терять время. Не бойся. Я все сделаю сам. Ей не будет больно.

Вольфганг преувеличил. Когда он убивал, Блонди визжала от боли.

Глава сорок первая

Блонди

– Хватит скулить! – зло воскликнул Гитлер, его сейчас раздражали преданные собачьи глаза. – Ты хочешь наверх? Тебе здесь не нравится? А мне думаешь, нравится?! Но я вынужден прятаться под землей, в этом бункере. Не скажешь же ты, что это трусость! Это просто предусмотрительность. Если убьют меня – никто не сможет выиграть эту войну. Я должен беречь себя для моего народа. Почему ты на меня так смотришь?! Ты не веришь мне? Хочешь наверх? Считаешь, что я просто трус? Я не трус, – повысил он голос, он уже сорвался на крик, – и я еще выиграю эту войну!!! Мы выиграем эту войну с тобой, Блонди! И ты будешь гулять, где захочешь. Нам не нужно больше будет прятаться. Выше нос, Блонди! Спой мне! Ну, спой мне как Зарах Линдер! Блонди!

Гитлер не понимал. С собакой что-то произошло. Раньше он часто просил ее петь, и стоило назвать имя Зарах Линдер, как она принималась протяжно выть, словно волк, радуя этим хозяина. Сейчас она просто смотрела на него и, казалось, чего-то ждала. Это вывело фюрера из себя.

– И ты тоже! Ты перестала слушаться меня! Все дерьмо – оттого, что никто не слушает моих приказов, не выполняет их! Из-за этого мы на грани краха! А меня еще считают плохим главнокомандующим! Моя ошибка в том, что я был слишком мягким. Надо было расстреливать и вешать гораздо больше людей. Ну, что, споешь? Ты не поняла, о чем я сейчас тебе говорил?! Ты, самое преданное мне существо?! Чего мне тогда ждать от других?!

В сильном раздражении он вышел и через несколько минут вызвал своего профессора медицины Вернера Хаазе. «Если мне придется покончить с собой, чтобы не сдать в плен русским, я должен быть уверен в надежности яда. Испробуйте его на Блонди. Да, да, вы не ослышались. На Блонди».

Если и правда придется покончить с собой, яд он не примет. Лучше пуля. Но не объяснять же, почему он хочет избавиться от своей любимой собаки.

Глава сорок вторая

Сын

Карл смотрел на мать с ненавистью. Еще вчера он был героем. Сам фюрер благодарил мальчишек за то, что они с оружием в руках защищают Германию. Он разговаривал с ними как с настоящими солдатами. И еще он сказал, что если бы вся армия была такой, как они, то он давно бы выиграл войну. Еще вчера он был героем. А сегодня у него отобрали оружие, сорвали форму, отняли орден, которым наградил его сам фюрер. И все из-за того, что его мать неожиданно оказалась еврейкой.

– Мы не дадим тебе защищать наш город, – сказали ему, – твоя мать – еврейка. И ты можешь выстрелить нам в спину.

Плачущая мать хотела обнять сына, но он оттолкнул ее.

– Ты, что, правда, еврейка?! Да?! Да?! Но откуда они узнали?! Почему только теперь?! Откуда?!

– Это... я им сказала. Да, да, прости меня, мальчик мой, – бросилась она ему в ноги, – я пошла к ним и сказала. Чтобы у тебя отобрали оружие, чтобы не дали тебе воевать. Война идет к нам. Настоящая, большая война. Дети в ней не победят. Прости меня. Прости меня, пожалуйста, мальчик мой! Я просто не хочу, чтобы тебя убили! Пусть лучше меня арестуют, посадят в концлагерь, но не дают тебе в руки оружие!

– Еврейка! – прошипел Карл и выбежал из дома. Она хотела побежать за ним, но поняла, что не может подняться. Тело совсем не слушается ее. Она поползла к двери. Еще десять лет назад, на крутом повороте близ Людвигсхафена она увидела указатель: «Осторожно – крутой поворот. Евреям – ехать со скоростью 120 километров в час». Над входом в бакалейные, мясные, молочные, даже булочные магазины появились надписи: «Евреям вход запрещен». Тогда она поняла, как опасно быть евреем в новой Германии. Потом многих из них стали увольнять с работы и сажать в концентрационные лагеря. Но никогда не думала она о том, что ее собственный сын скажет ей с такой ненавистью слово «еврейка», и в его устах это слово прозвучит как самое страшное проклятие.

Карл знал, что делать. На улицах было много убитых. У кого-то из них есть оружие. Она не услышала выстрела. Даже когда мозг Карла выпрыгнул на мостовую, она все еще думала, что спасла сына.

Глава сорок третья

Мама

Вчера мама попросила у меня прощения. За то, что родила меня в такое страшное время. И когда она говорила мне это, на глазах ее были слезы. А еще она сказала, что из меня будет хорошая мама. И что я очень люблю детей.

– И они тебя очень любят. Эльза, понятно, она твоя сестра, но эти крохи, Людвиг и Гелли, они от тебя не отходят. Ты им как мама.

Но разве я могу заменить им настоящую маму?! Они просто как слепые потерявшиеся котята. И как мне объяснить им, зачем, во имя чего у них отобрали родителей?! Зачем, во имя чего их самих каждую минуту могут убить?! Объяснить можно только то, что хоть немножко понимаешь сама. Но я этого не понимаю. Фюрер говорил, что война была нужна для того, чтобы Германия стала великой. Но я не верю, что страна, в которой каждый день бомбы падают на жилые дома, убивая ни в чем неповинных детей, разрывая их на части, – это великая страна.

Я не могу ничего объяснить ни Эльзе, ни Людвигу с Гели. Эльза уже большая по сравнению с ними, время идет. Но она все равно еще ребенок. И я не могу объяснить ей того, что совершенно не понимаю сама. Зачем это все. Кому это нужно. Все, что я могу попытаться сделать – это чтобы им было хоть немножечко меньше страшно. Да, мне самой очень, очень страшно. Я сама боюсь так, что каждую минуту, кажется, не выдержу и зарыдаю, закричу от ужаса. Но я держусь. Я должна держаться. Ради Эльзы. Ради этих детей, у которых больше нет родителей. Я укладываю их спать. Всех троих. Я сдвинула кровати, свою и Эльзы. Чтобы они спали все вместе, рядышком, прижавшись друг к другу. Сама я больше не сплю. Я сочиняю для них сказку. Сказку про добрую принцессу и злую фею, которая заколдовала мир и сделала его совсем ужасным. Но она не смогла заколдовать его навсегда. Моим детям нравится сказка, они просят продолжения. Я обещаю им, что завтра обязательно напишу и прочту им. Если они будут умничками. Они послушно закрывают глазки. Я целую их, всех по очереди, глажу и сажусь рядом с ними.

– Спице, сладкие, – говорю я им, и молюсь про себя: «Только бы их не убили. Никого из них. Только бы их не убили».

Я очень устала. Но я тут же открываю глаза, как только слипаются веки. Я боюсь, что мне опять приснится тот жуткий сон, где всем детям приказано умереть. И они послушно выполняют этот приказ. Мне не убежать даже в свои сны.

Глава сорок четвертая

Сказка

Дмитриев думал о том, как ему повезло, что он не успел закончить свою пьесу до того, как началась война. И еще он думал о том, как хорошо, что никому не показывал написанное, не делился готовыми сценами. Успей он сделать это – неизвестно что сейчас было бы с ним. Ведь Дмитриев, писавший до войны пьесы-сказки для детских театров, решил сочинить большую сказку о Немецкой девушке. Тогда он и помыслить не мог, что его страна будет воевать с Германией и он сам с оружием в руках дойдет до Берлина.

Тогда все было иначе. Еще в школе учитель немецкого языка ставил Сашу в пример всем другим ученикам. Ему нравилось, как звучит этот язык, он мечтал побывать на Унтер-ден-Линден, о которой прочел у Гете и Шиллера, хотел посмотреть собор Святой Марии, где печатались первые книги. Он читал Гофмана и восхищался каждой его строчкой, которая уносила юного Сашу в необыкновенный романтический мир, где самое невозможное возможно и где чудесное, волшебное становится неотъемлемой частью жизни.

Потом он сочинил пьесу-сказку «Немецкая девушка» о том, как в Берлине живет волшебная девушка, которая возвращает родителей всем маленьким сиротам, неважно умерли они или бросили своих детей. Теперь Дмитриев прекрасно знал, чего могла ему стоить эта сказка, узнай о ней кто-нибудь. Его бы, чего доброго, обвинили в пособничестве Гитлеру и пропаганде Германии. Она ведь у него в сказке волшебная. Конечно, если бы его спросили, почему такая волшебная девушка живет не у нас в стране, он бы мог сказать, что у нас родители не бросают своих детей. И никто не посмел бы ему возразить. Но потом его обязательно бы спросили – почему именно в Германии, рассаднике фашизма?! Нет, все равно никто не поставит эту пьесу, ее и показывать никому нельзя. Но он все равно обязательно закончит ее, для себя, в стол. Осталось дописать только несколько сцен.

Прямо на Дмитриева шла маленькая девочка. Несмотря на весну, она дрожала от холода. Он окликнул ее по-немецки, этот язык он прекрасно знал. Девочка не сразу ответила. Она только сильнее сжала свой маленький кулачок, в котором что-то держала. Такая кроха, одна, на улице, не боясь пуль, взрывов. Дмитриев достал шоколад. Они завоевывают этот город улицу за улицей, дом за домом. И когда на пути попала кондитерская фабрика, удалось запасти шоколадом. Он видел, как у девочки загорелись глаза, когда она увидела шоколадку. Девочка была совсем бледной, и казалось, вот-вот упадет. Она жадно откусила шоколад, потом испуганно посмотрела на него, не слишком ли большой кусочек съела. Дмитриев достал вторую, последнюю плитку и отдал девочке. Она в ответ разжала кулачок и протянула Дмитриеву часики, которые держала в нем. Дмитриев давно писал детские сказки, работал для детского театра. Он знал, что дети отличаются от взрослых тем, что они верят в то, что добро может быть просто так, ни за что. А эта девочка думает, что он не способен подарить ей плитку шоколада, и в свои шесть или семь лет (сколько ей) спешит рассчитаться с ним, потому что думает, что не может быть никакого добра. Что ничего нельзя подарить. Можно только поменяться.

– Красивые часики, – сказал он, возвращая их девочке, – откуда у тебя такие?

– Это мамины. Ее вчера убили.

Дмитриев уже знал, что если ему повезет, и он выберется из этого ада, то первое, что он сделает, вернувшись домой, это сожжет страницы написанной «Немецкой девушки». Сказки, которую он хотел написать.

Глава сорок пятая

Лени

Я и так ничего хорошего не ждала от появления Лени, но когда она вошла, и я увидела у нее пистолет... К тому же она пришла не одна, а с вооруженным парнем. Лет пятнадцать, не больше. Но когда видишь у человека оружие, он уже не кажется тебе ребенком, сколько бы ему ни было лет.

– Это Макс. Он убил нескольких русских. Они все ближе. Счет идет почти на минуты. Может быть, уже завтра нас всех убьют. У нас был отряд, 16 человек. Остались в живых только я и Макс. Нам удалось отступить. Отступить, а не сбежать. Мы не трусы. Мы вернемся. Просто надо собрать силы. У меня больше нет дома, ты знаешь. Если завтра всех нас убьют... У Макса еще не было женщины. Ни разу. Я ему обещала. Я хочу сделать это на чистых простынях. Постели, пожалуйста, нам чистые простыни на ночь. Может быть, это будет наша последняя ночь. Но мы не отдадим город просто так. У нас есть оружие. Мы будем защищаться все вместе. Нас не так мало. Целых шестеро.

– А где остальные? – спросила я.

– Как это где? – усмехнулась Лени. – Здесь, в этом доме.

– Что-то я их не видела.

– Ну, как же, мы с Максом... Твоя мать, Эльза и эти двое детей, которых ты подобрала. Я спросила Лени в своем ли она уме. И она разозлилась.

– Это ты не в своем уме! Ты не понимаешь, что мы должны защищаться?!

– Но это дети. Ты совсем не любишь детей.

– Дети! Я отношусь к ним, как к полноценным гражданам Германии. Они имеют право защищаться. Это ты не любишь детей. Ты отнимаешь у них возможность защищать себя, иметь право на оружие наравне со взрослыми. Чтобы их не могли так просто убить. Дети и так беззащитны. А ты хочешь сделать их совсем беззащитными.

Тут раздался выстрел, в другой комнате. Я вздрогнула, побежала к двери. Но Лени ухватила меня за руку.

– Не бойся. Это Макс учит их стрелять, Эльзу я уже научила. И еще он проводит разъяснительную работу. Он умеет это делать.

– Оставь в покое детей! – закричала я.

– Сначала пусть кончится война, – сказала Лени.

Я уже думала, что хочу, чтобы русские наконец победили. И все кончилось. Я теперь уже их ждала как богов. Только бы все это кончилось. Пусть они возьмут наш город. Почему я должна быть на стороне страны, которая убила моего отца, сделала мою мать несчастной, униженной вдовой, страны, в которой детей лишают детства, едва они родились?! Пусть они наконец завоюют наш город. Нам с мамой и Эльзой нечего бояться. Мы ничем не виноваты перед ними. Пусть они придут. Пусть спасут нас от этого ужаса. Больше никто не может нас спасти.

Глава сорок шестая

Берлин

Когда Берлин начали обстреливать из всех минометов одновременно, в штабе обороны города подумали, что это какое-то сверхновое химическое оружие, потому что непрерываемый шквал огня и металла ослеплял глаза. Многие снаряды, однако, подписывались, потому что нашлись банки белой эмали, и лейтенант 6-ой батареи выводил на снарядах: «Лично Адольфу», «Гитлеру в жопу». Сейчас можно было не бояться резких слов. Снаряды – не бумага.

Не стеснял себя в резких выражениях и Сталин, когда за несколько дней до объявления Германии Советскому Союзу войны, получил агентурное сообщение от Ольги Чеховой, жившей в Берлине. «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного наступления против СССР закончены, удар можно ожидать в любое время». Сталин написал на этом сообщении, положенным ему на стол генералом НКВД Меркуловым: «Можете послать ваш источник к чертовой матери. Это не источник, а дезинформатор».

Почти пять лет прошло с того дня, когда Сталин написал эти слова. Пять лет непрерывной войны, которая унесла бессчетное число жизней, и изменила судьбу абсолютно каждого человека на земле. И она все еще не умрет, не задохнется. Она, как червяк, расползается, когда ее перерубишь. Она очень живуча, эта война. Она не дает убить себя.

Тем, кто оказался в Берлине в последние дни войны, нечего было бояться ада. Он был бы не так страшен как то, что пришлось пережить им тогда. Целые дни напролет все вокруг клокочет, рвется, тонет в тугих клубах дыма, кричит, воет, стреляет, стонет. Война везде, на улице, в каждом доме, комнате, чердаке. Нет больше ни одного клочка пространства, свободного от войны. Даже жителям этого города, привыкшим к постоянным бомбардировкам, давно знающим, что в любую минуту их дом может превратиться в руины, подобное представить, вообразить себе было невозможно. И ведь это длится не час, не два. И даже не день, не сутки. Война идет за каждую улицу, дом, за каждый глоток воздуха. И кажется невероятным, невозможным, что эта апокалипсическая какофония когда-нибудь стихнет, и не будут больше раздаваться выстрелы, грохотать танки, кричать раненые дети. Но все-таки пройдет время, перестанут стрелять, остановятся танки, умрут раненые дети, и можно будет жадными глотками пить наступившую тишину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.